

Чем можем мы порой придумать сами.
Иной богатство вымолит, – оно ж
Недуг накличет иль убийцы нож.
А тот покинул, помолясь, тюрьму,
Но челядью убит в своем дому.
Нас караулят беды что ни шаг.
Не знаем мы, каких мы просим благ.
Мы все – как тот, кто опьянен вином.
Пьянчуга знает – есть, мол, где-то дом,
Не знает только, как пройти домой,
И склизок путь под пьяною ногой.
Вот так же мы блуждаем в сей юдоли:
Мы жадно ищем путь к счастливой доле,
Но без конца плутаем, как на грех,
Все таковы, и сам я хуже всех.
Не я ли мнил и тешился мечтой,
Что, чуть я выйду из темницы той,
И ждут меня веселье и улады.
А ныне лучшей я лишен отрады.
Эмилия! Нельзя мне видеть вас!
Спасенья нет, настал мой смертный час».
Тем временем несчастный Паламон,
Узнав, что он с Арситой разлучен,
Так возрыдал, что стены бастиона
Тряслись от причитания и стона
И кандалы, что на ногах он нес,
Намокли от соленых горьких слез.
Он восклицал: «Арсита, брат, о горе!
Ты плод сорвешь, бог видит, в нашем споре!
Свободно ты по Фивам ходишь ныне
И мало тужишь о моей кручине.
С твоим умом и мужеством, я мню,
Собрать ты можешь войско и родню
И край весь этот разорить войной.
По договору ль, хитростью ль иной,
Ты женишься на той прекрасной даме,
По коей здесь я изойду слезами,
Ведь если все возможности учесть, -
С тех пор как ты свободу смог обрести,
Ты – государь, соперник слишком сильный,
А я погибну в клетке сей могильной,
Вопя и воя до скончанья дней
От всех тягот и мук тюрьмы моей.
К тому ж любви терзанье роковое
Скорбь и кручину умножает вдвое».
Тут дико ревность разгорелась в нем,
Проникла в сердце, грудь сожгла огнем.
И стал похож наш узник безотрадный
На букс засохший иль на пепел хладный.
Он говорил: «Богиня, злой кумир,
Что вечным словом сковываешь мир
И на плите из твердого алмаза
Навек законы пишешь и указы,
Мы все, твоей подвластные короне, -
Толпа овец, толкущихся в загоне.